

*Россия в многообразии
цивилизаций / Н.П. Шмелев,
В.В. Журкин, И.Д. Иванов и др.;
редколл.: А.А. Галкин (науч. ред.)
и др. М.: Весь мир, 2011. 889 с.*

**ЧАСТЬ I. ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И МИРОПОРЯДОК**

Глава 1. Цивилизации
и мировое развитие

Глава 2. Глобализация:
противоречивые тенденции
(интерпретации, шансы, риски)

Глава 3. Некоторые тенденции
и факторы мирового
экономического развития

Глава 4. Наука в информационном
обществе

Глава 5. Теория и практика
федерализма: международный опыт

Глава 6. Особенности развития
современной культуры

Глава 7. Исламский экстремизм
и террористическая угроза

Глава 8. Вопросы международной
безопасности

**ЧАСТЬ II. ЕВРОПА
ГЛАЗАМИ РОССИИ**

Глава 9. Европейские ценности

Глава 10. Парадоксы национализма
и национальной проблемы

Глава 11. Экономика Европы
в международных сопоставлениях

Глава 12. Инновационная политика
Евросоюза: опыт для России

Глава 13. Европейская модель социального развития
Глава 14. Эволюция партийно-политических систем
Глава 15. Церковь, государство и общество в Европе
Глава 16. Демографические перспективы Европы
Глава 17. Центробежные и центростремительные тенденции в зоне западноевропейской интеграции
Глава 18. Россия и ЕС: потенциал и практика экономической взаимодополняемости
Глава 19. Два взгляда на будущее Европы
Глава 20. Европа о России, Россия о Европе

ЧАСТЬ III. РОССИЯ: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Глава 21. Россия о России
Глава 22. Советское цивилизационное наследие
Глава 23. Основные тенденции развития российской экономики
Глава 24. Аграрная политика и сельское хозяйство России
Глава 25. Социальные контуры новой России
Глава 26. Национально-этнические проблемы
Глава 27. Власть, общество и политический процесс: российская модель
Глава 28. Религии в России
Глава 29. Гражданское общество в теории и на практике
Глава 30. Культура на переломе эпох
Глава 31. Россия: демографическая кривая
Глава 32. Есть ли друзья у России?

Глава 33. Внешние вызовы безопасности России
Глава 34. Разоружение: проблемы и перспективы
Глава 35. Прогнозы и опасности
Глава 36. Цивилизации как объект исследования и российская идентичность
Глава 37. Россия в середине XXI в.: возможные сценарии будущего

Книгу образуют три самостоятельные части. В первой рассмотрены проблемы, обусловленные развитием контактов между цивилизациями и их воздействием на миропорядок; во второй — ситуация, складывающаяся в рамках Европейского союза, и диктуемые ею особенности отношений между входящими в его состав государствами и Россией; в третьей — проблемы и вероятные пути развития России.

Отношения между цивилизациями стали в наше время предметом оживленной дискуссии. Это в решающей степени связано с тем, что глобализация, определяющая во многом направления мирового развития, вносит в междоцивилизационные отношения новые, весьма важные элементы. Само обсуждение таких проблем приняло своеобразную форму всемирного диалога, в основе которого лежат не только культурные традиции, но и конкретные национальные интересы разных стран.

Задача проведенных нами исследований — рассмотреть происходящее в мире, учитывая интересы именно России.

Глобализацию следует рассматривать в определенном смысле как современный этап идущей из века в век интер-

национализации, вызванный новым мощным рывком в развитии производства и обусловленной им модернизацией общественных структур. Ее наиболее очевидные проявления — расширение мирового рынка, тесное переплетение межгосударственных финансовых, торговых и производственных связей, повсеместное возрастание денежных, товарных и людских потоков, становление всеобщего информационного пространства.

Как этап в развитии человеческого сообщества, глобализация принесла с собой немало положительного. Произошло большее, чем прежде, приобщение значительной части человечества к плодам современного развития. Углубление международного разделения труда обеспечило его более высокую производительность. Повысился уровень жизни у значительной части населения, проживающего в зоне так называемого золотого миллиарда. Возникли объективные условия для смягчения прежней национальной и этнической замкнутости. Значительно расширились возможности получения людьми всесторонней информации.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что глобализация в той форме, в которой она была реализована во второй половине XX — начале XXI в., повлекла за собой многочисленные противоречия и негативные последствия. Глобализация в различных своих формах оказала асимметричное воздействие на процессы социального развития как в мире в целом, так и в отдельных странах, ведущее к появлению «выигравших» и «проигравших».

Особенно четко негативное воздействие глобализации проявилось с насту-

плением в 2008 г. всеобщего финансово-экономического кризиса. Оно в решающей степени предопределило как его масштабы и глубину, так и невысокую эффективность вроде бы проверенных практикой антикризисных действий.

Во многом по-новому поставила глобализация и проблему взаимоотношения цивилизаций. На протяжении тысячелетий человечество развивалось не как гомогенное целое, а как совокупность исторически сложившихся и разбросанных по земному шару общностей людей, каждая из которых имела свою специфику — экономическую, социокультурную, религиозную.

О противоречиях и конфликтах во взаимоотношениях цивилизаций известно давно. Однако глобализация придавала им дополнительную, существенную остроту.

Цивилизации стали превращаться в составные части формирующегося мирового социума, крепко связанные глобальными культурно-информационными и финансово-экономическими потоками. Доминирование экономически и научно продвинутой западной цивилизации, развившейся на основе принципов гомоцентризма, активного переустройства среды (техногенная цивилизация) и внешней экспансии, породило стремление к унификации цивилизационного многообразия жизни мирового сообщества. Сила действия, однако, стимулировала силу противодействия. Разумеется, воздействие «западной» цивилизационной модели на иные цивилизации не лишено позитивного заряда. Однако разрушение, идущее извне и пытающееся ускоренным образом подменить собой естественное отмирание устаревших подсистем,

не может не восприниматься в этих системах как враждебные действия, призванные лишить затрагиваемые им народы их исконной идентичности.

Одним из проявлений нынешних межцивилизационных конфликтов стал небывалый по своим масштабам всплеск иммиграционных потоков в зону «золотого миллиарда» из наиболее бедных и неблагополучных стран, прежде всего Африки, Азии и Латинской Америки. У этих потоков есть свои причины. Наиболее весомая из них — разрыв в условиях существования на родине и в странах, куда эти потоки устремляются. Этому в значительной мере способствовало бурное развитие средств массовой информации, их неудержимое проникновение в самые отдаленные уголки земного шара и широкое использование для демонстрации преимуществ «западного образа жизни». Стимулирующую роль сыграло также то, что в большинстве развитых стран наметилось прогрессирующее старение населения. В результате на их рынках труда возникла острая потребность в перспективной, молодой рабочей силе, способной заполнить пустующую нишу. Эта потребность подогревалась еще и тем, что рабочая сила иммигрантов была, как правило, значительно дешевле, чем местная. Усилению иммиграции способствовало также качественное совершенствование транспортных средств, сделавшее смену среды обитания не просто возможной, но и сравнительно доступной.

Начиная с 90-х гг. прошлого века иммиграция стала выходить далеко за регулируемые пределы. В ряде случаев ее масштабы существенно превзошли реальные поглотительные возможно-

сти соответствующих стран. Проблема, однако, не исчерпывалась только количественными показателями. Не менее важным было и то, что в потоке новых иммигрантов существенно возросла доля выходцев из стран с компактным мусульманским населением, принесшим с собой менталитет, образ жизни и систему ценностей, с большим трудом стыкующиеся с менталитетом, образом жизни и системой ценностей большинства коренного населения развитых стран. Опыт убедительно показал, насколько трудна для иммигрантов этого типа даже поверхностная адаптация к новым условиям жизни. В отличие от своих предшественников новые иммигранты все чаще не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру.

Финансово-экономический кризис 2008 г. придал проблеме массовой иммиграции особую остроту. Его разрушительное влияние на рынки труда существенно усилило конкуренцию в сфере занятости между коренным населением и мигрантами. Это, в свою очередь, значительно усилило враждебное отношение к «чужакам» и стало причиной повсеместного роста популярности праворадикальных политических партий.

Глобализация заметно скорректировала и роль национального государства. Существенно ослабла степень его вмешательства в финансовую, производственную и торговую сферы. Возможности более или менее жесткого пограничного контроля над передвижением людей и товаров хотя и сохранились, но заметно ослабли. Раньше государственные институты в сфере своей юрисдикции

оказывали сильное воздействие на формирование духовной атмосферы. Сейчас их компетенции, в особенности в области прав человека, подверглись серьезным ограничениям.

Глобализация внесла существенные, пока скорее негативные, коррективы в сложившийся миропорядок. Одна из важнейших особенностей нынешней ситуации — четко проявляющееся противоречие между возросшей степенью взаимозависимости элементов миропорядка, с одной стороны, и нарастанием дестабилизирующих воздействий на него — с другой.

Негативные стороны глобализации породили значительное недовольство в самых различных слоях населения. Во многих, особенно в пострадавших странах, она стала не без оснований восприниматься не столько как объективно обусловленный процесс, сколько как внешнее, эгоистическое насилие. Возникло массовое движение, выступающее против издержек осуществляемого ныне варианта глобализации.

Противники этого движения делают упор на то, что в нем участвуют националистические течения, что проводимые им акции протеста нередко сопровождаются хулиганскими выходками, что свойственный движению запал является чисто протестным, а следовательно, он неконструктивен. Некоторые из этих упреков имеют реальные основания. Как всякое широкое массовое движение, особенно на первоначальном этапе, движение против издержек глобализации неоднородно. К проводимым им акциям нередко примыкают и абсолютно деструктивные группы. Вместе с тем лицо антиглобалистского движения определяют не они.

Особого внимания заслуживает такое явление, как вспышка международного терроризма. Пока реакция на него свелась преимущественно к силовым акциям полицейского типа. На первых порах подобный ответ был неизбежен. Однако ориентация лишь на акции полицейского типа бесперспективна. Если явление имеет глубокие социальные корни, одним силовым воздействием с ним не справиться (а в данном случае дело обстоит именно так). Возникает необходимость в построении системы институтов, способных найти ответ на вызовы современности.

Быстро меняющийся внешний мир требует от России переосмысления и уточнения своей перспективной стратегии. Это касается, в частности, различных векторов ее внешней политики. Здесь мы детально рассматриваем один из наиболее важных среди них — европейский.

Как географически, так и цивилизационно государства Европы, включая страны Европейского союза, близки России. У нее исторически сложились тесные взаимоотношения с большинством европейских стран. Россию и Европейский союз связывают прочные экономические узы. В свою очередь, страны Евросоюза заинтересованы в емком российском рынке и в получении из России энергоресурсов. Обоюдны выгоды сторон от развития культурного сотрудничества, интенсивного обмена духовными ценностями. Большую отдачу сулит сложение научных потенциалов России и Европы.

В политическом плане добрые отношения между Россией и Европейским союзом служат гарантией сохранения и упрочения безопасности и мира на

континенте. В перспективе всесторонняя интеграция Европы, ее сближение с Россией, надо думать, поднимут ее удельный вес в мировой политике, на порядок увеличат шансы избежать потерь в периоды обострения межгосударственного и межрегионального конкурентного противоборства на сложном и длительном пути к более справедливому мировому порядку. И Россия в полной мере заинтересована в этом.

Все это подчеркивает стратегическую значимость преодоления трудностей во взаимоотношениях России и стран Европейского союза.

После распада СССР Евросоюз, действуя в кооперации с НАТО, не избежал искушения, не считаясь с интересами России, прибегнуть к стратегии экономического, политического и военного продвижения своего влияния в восточном направлении. Вне зависимости от целей, которыми обосновывается новая версия «похода на Восток», такая политика порой порождает недоразумения, а то и напряженность в отношениях между Россией и Евросоюзом.

В ряде стран Европы активно действует антироссийское лобби. Его влияние усилилось после вхождения в Евросоюз ряда восточноевропейских государств, властвующая элита которых широко использует антироссийскую риторику ради демонстрации своей лояльности так называемому Атлантическому сообществу (точнее, США) и НАТО. Цель этого лобби — закрепить в общественном сознании европейских стран негативное представление о России, о ее потенциальной опасности для демократической Европы. Эта антироссийская деятельность не может не вносить элементы неустойчивости и недоверия в отношения между

сторонами. Необъективное отношение Евросоюза к праву России на защиту своих национальных интересов только усугубляет ситуацию.

Правящие круги европейских стран еще не полностью отказались от сложившейся в 1990-е гг., после распада Советского Союза, системы взглядов, согласно которой внешнеполитические потери России, понесенные ею на протяжении последних десятилетий, оцениваются как естественная плата за столетия державной, имперской политики, а резкое ослабление российского влияния на мировой арене — как своего рода возвращение к ее существованию в качестве рядового государства «второго эшелона». Как результат, России предлагается переосмыслить свою стратегическую ориентацию на многовекторность, многополярность и отказаться от права на собственный, специфический путь. Естественно, что такой подход вызывает в России, мягко говоря, недоумение.

Существует еще одна крайне важная сторона этой проблемы.

Сегодня, как и десятилетия, и столетия назад, мы вновь стоим перед вопросом: кто мы? Россия — это Европа, или не совсем Европа («другая Европа»), или вообще нечто настолько своеобразное и самодостаточное, что применение к ней географических понятий просто не имеет никакого смысла? Наша позиция в этом вечном вопросе однозначна. Цивилизационно Россия остается частью Европы. История нашей страны, ее духовные основы, культура, менталитет и даже образ жизни, глубинные идеалы и устремления, человеческие и материальные ресурсы — все это органическая часть европейской цивилизации.

Медленнее или быстрее, где-то отставая на многие десятилетия, а где-то забегай вперед в своих попытках сходу достичь тех высот и горизонтов, к которым миру предстоит, вероятно, двигаться еще многие годы, историческое развитие России всегда шло в том же русле, в каком шло развитие всей Европы, через преодоление тех же самых проблем, трудностей и несчастий, которые приходилось преодолевать европейским странам.

Однако география России, хотим мы того или нет, заставляет думать о самоидентификации все же во многом по-иному. Историческое движение России, раскинувшейся на огромных просторах Евразии от Балтики до Тихого океана, не могло не наложить отпечаток на облик страны. Говоря о самоидентификации современной России, следует иметь в виду не только ее цивилизационные основы. Необходимо принимать во внимание вероятность того, что она сумеет сохранить себя в существующих географических пределах. И соответственно, освоить то, что так и не сумела обжить, заселить, обустроить за прошедшие века, сохранив при этом свою многонациональную и многоконфессиональную природу.

Пример объединенной Европы, сумевшей преодолеть не только тяжелое наследие прошлого, но и многочисленные практические трудности в деле постепенного устранения политических, юридических, социально-экономических и прочих границ между образующими ее национальными государствами, свидетельствует, что хотя и весьма дорогой ценой, но люди действительно могут извлекать надлежащие уроки из истории и строить на этой основе свое будущее. От скромного

договора о Европейском объединении угля и стали к созданию подлинного политического и экономического союза с общими наднациональными органами управления и единой европейской валютой; от первых шагов в согласовании таможенной политики и выработке единого таможенного тарифа против третьих стран к общему пространству «четырёх свобод» — свободы перемещения товаров, услуг, капитала и людей через государственные границы; от первоначального разнобоя в политических, юридических, экономических, социальных и прочих условиях организации общественной жизни к их сближению и постепенной унификации; от примата национальных институтов к неуклонно растущей роли и компетенции наднационального законодательства и общих европейских институтов, среди которых сегодня на первый план уже выдвигаются такие, как переход к совместному военному строительству, общая внешняя политика и др.; наконец, расширение Евросоюза с первоначальных 6 государств до 27 наряду с амбициозными планами строительства в будущем «Большой Европы» (иными словами, обширной сферы преимущественного влияния Евросоюза в Средиземно-Черноморском регионе и даже за его пределами) — все это свидетельствует о том, что грандиозный мирный, созидательный эксперимент, начатый в Европе, имеет все шансы стать самым большим конструктивным достижением человечества. И крайне важно оценить и осмыслить этот опыт.

Но у этого опыта есть и другая сторона. Помимо существующих и неизбежных в будущем межгосударственных трений и противоречий в рамках

самого Евросоюза, нельзя сбрасывать со счетов и новые опасности, которые очевидны уже сегодня. Само дальнейшее разрастание Евросоюза вширь может оказаться для него разрушительным. Никто сегодня не может с уверенностью сказать, сумеет ли, а если сумеет — то как скоро, Евросоюз «переварить» даже свое последнее расширение и включение 12 новых членов. А на очереди взрывоопасные Балканы, где уровень социально-экономического развития все еще низок и где ни один из этнополитических очагов напряженности еще до конца не погашен, и неизвестно, будет ли погашен вообще. В двери ЕС стучится Турция с ее 70 миллионами преимущественно мусульманского населения. За ней — некоторые бывшие советские республики, тоже претендующие на присоединение к Евросоюзу, но, на сегодняшний взгляд, просто непосильные для него и по своим размерам, и по своей политической, этнической и социально-экономической нестабильности и т.д.

И это далеко не все. События последних лет показали, что С. Хантингтон с его предупреждением о грядущем «столкновении цивилизаций» был не так уж далек от истины. Некоторые эксперты считают, что третья мировая война между цивилизованным миром и исламским фундаментализмом началась. Пока судьба в общем-то миловала Европу, хотя уже кровавые атаки международного терроризма в Испании и Великобритании, межэтнические эксцессы во Франции заставляют думать, что хрупкий европейский иммунитет к подобным варварским акциям может оказаться и временным явлением. Выше уже шла речь о нарастающих негатив-

ных последствиях демографических и миграционных процессов в многонациональной и далеко уже не только христианской Европе. Столь же мало предсказуемыми и столь же опасными видятся сегодня «новые-старые» угрозы, резко обострившиеся на рубеже XXI в.: расползание по миру ракетно-ядерного и других видов оружия массового уничтожения, различные региональные конфликты, организованная преступность, наркотрафик, эпидемии, экологические проблемы и пр.

Не удивительно, что в этих условиях многие в Европе всерьез задумываются, сможет ли она в обозримое время справиться с тем, что у нее уже есть, и с тем, что ее, скорее всего, ожидает в предвидимом будущем. Реально ли сегодня, например, всерьез рассуждать о возможной полной интеграции России в ее нынешнем виде в единое европейское политическое и экономическое пространство?

Начнем с того, что это никак не нужно самой Европе. Все на свете имеет свои естественные пределы, выход за которые обрекает любые, даже на первый взгляд самые успешные начинания на неизбежный провал под воздействием разных причин. Что на самом деле нужно нынешней Европе от России? Прежде всего, конечно, мир и спокойствие, безопасность, сотрудничество в борьбе против старых и новых общих угроз, включая сотрудничество в военно-политической сфере, противодействие международному терроризму, совместное региональное миротворчество. Для этого отнюдь не требуется слияния и объединения, вполне достаточно будет партнерских, союзнических отношений, закрепленных в системе

долгосрочных договоров между обеими сторонами. Традиционный заслон от экспансии радикального исламского фундаментализма? Россия и так самой своей исторической судьбой обречена играть эту роль, от которой при всем желании ей никуда не деться. Надежное обеспечение остальной Европы энергосырьевыми ресурсами, все еще значительный российский научно-технический потенциал во многих передовых областях, включая и оборонный сектор? Все эти проблемы вполне решаемы к общей выгоде на договорной, а не на объединительной основе. Россия как транспортный коридор, как мост, связующее звено между Востоком и Западом? Никаких особых мер, выходящих за рамки обычных партнерских отношений, эта проблема тоже не требует. Интерес Европы к российскому рынку, российский потребитель, Россия как сфера прямых и портфельных прибыльных инвестиций для европейского капитала? И это направление не требует никаких грандиозных исторических трансформаций. Наконец, культурное взаимопроникновение и взаимообогащение? Оно и так достаточно успешно идет само собой, как это и было всегда, даже в самые, казалось бы, изоляционистские времена.

Так что никаких особых стремлений к тому, чтобы растворить российскую идентичность в общеевропейской сегодня со стороны Европы не просматривается. Но не просматриваются они и с другой стороны — со стороны России. Невозможно себе представить, что она позволит когда-нибудь какому-либо наднациональному общеевропейскому органу, вроде Еврокомиссии или Европарламента, распоряжаться своей

судьбой. Европейские правовые нормы в большей их части надо признавать, к ним надо и дальше постепенно двигаться. Но Россия — великая держава, и выбор ее дальнейшей судьбы, политики и динамики преобразований — это прежде всего ее собственный выбор, а не многоголосого собрания больших, малых и мельчайших европейских государств.

Не следует забывать и то, что у нашей страны, помимо общих (общечеловеческих) задач, есть еще и другие, сутобо национальные, к которым остальная Европа имеет весьма отдаленное отношение. Нынешней России предстоит наращивать восточный вектор своей внешней политики. вполне возможно, что не в столь далеком будущем вопрос о европейской идентичности потеряет нынешнюю остроту на фоне взаимоотношений с соседями на Востоке — Китаем, Японией, Южной Кореей, Монголией, Индией, странами ЮВА. Как подобный процесс отразится на европейском облике России, останется ли она Европой или, как давно уже предсказывают некоторые политологи, станет подлинной Евразией, частью какой-то не сложившейся пока еще евразийской цивилизации — никто, наверное, не возьмется сегодня с уверенностью предсказать.

Нынешнюю и будущую идентичность России невозможно также себе представить без учета ее роли на постсоветском пространстве. Речь не идет о ее мнимых имперских амбициях. Речь идет прежде всего об обыденных, прозаических, «житейских» реальностях. Подавляющая часть постсоветского пространства — это органический многовековой сплав народных и человеческих

судеб. Никакое «резанье по-живому» не может устранить потребность народов, населяющих это пространство, друг в друге. Только опираясь на общие экономические и культурные ресурсы, эти страны могут обеспечить свои потребности в образовании (особенно в высшем), развитии науки и культуры, а это отразится на занятости населения, сохранности и дальнейшем прогрессе того экономического потенциала, который уже был создан за прошлые десятилетия. Наконец, общими усилиями они могут осуществить прорыв на новых направлениях научно-технического и промышленного прогресса, определяющих будущее мира.

Роль России на постсоветском пространстве определяется также действием как традиционных, так и новых геополитических факторов. Возрастающая экспансия внешних для этого пространства сил, а также новые угрозы — терроризм и давление со стороны исламского фундаментализма — резко повышают прямой, кровный интерес России в том, чтобы ее границы окружали процветающие, устойчивые, светские государства-союзники.

Наиболее важными для перспектив наших отношений были три проблемы: система общеевропейской безопасности, энергоснабжение Россией Европы, Шенгенский режим и возможности его распространения на Россию.

Некоторые подвижки в решении этих вопросов налицо, хотя не все барьеры уже преодолены. Но это вовсе не основание для пессимистических выводов. Проблемы в системе международных отношений возникают повсеместно и постоянно. Но все они поддаются в конечном счете урегулирова-

нию, если подходить к ним спокойно и непредвзято.

Во всяком случае, на ближайший отрезок времени для развития конструктивных отношений России с Евросоюзом вполне хватает той концептуальной базы, которая в общих чертах разработана уже сегодня. Речь идет о принятии той и другой стороной концепции «четырех общих пространств»: внешней безопасности; внутренней безопасности, свободы и порядка; экономического, а также культурного и образовательного пространств. Эти ориентиры достаточно ясно определяют основное русло движения России и Евросоюза навстречу друг другу, их сближения в основных сферах общественной жизни, и есть все основания полагаться на естественный ход событий.

Определение оптимального пути, по которому надлежит двигаться стране, предполагает объективное представление о сложившейся в ней ситуации, политическом курсе власти, об утвердившихся общественных отношениях, о состоянии массового сознания и предполагаемых целях дальнейшего движения. В целом есть все основания считать, что России уже удалось пройти часть пути от катастрофических последствий разрушительной политики 90-х гг. к относительно оздоровлению. Однако основные задачи, стоящие перед страной, все еще не решены. Именно поэтому с таким широким одобрением встречен россиянами нынешний курс на всестороннюю модернизацию страны.

Идентичность современной России во многом определяется тем, что ряд задач, которые Европа уже так или иначе решила, нам еще предстоит решить. Речь идет и о развитии полно-

кровной демократии на всех уровнях, о действенном, широко разветвленном гражданском обществе, безусловном приоритете прав человека и гражданских свобод, развитии надежной судебной и правоохранительной системы, эффективной социально ориентированной рыночной экономики, об обеспечении достойного современного человека уровня жизни и социальной защищенности, о создании высокоразвитой инфраструктуры страны и о многом другом. Все это в начальном состоянии в России уже есть. Но потребуются, несомненно, еще многие годы и десятилетия, чтобы здание демократического рыночного и солидарного общества, к строительству которого приступила современная Россия, хотя бы в общих чертах было завершено.

За последнее десятилетие нам худобно удалось построить верхний этаж демократии (условно говоря, в «пределах Садового кольца»). Но ничего похожего на реальную демократию мы не имеем сегодня в главном — на уровне местного самоуправления. И сколько еще десятилетий и поколений потребуется новой России, чтобы сделать систему местного самоуправления жизнеспособной и эффективной? И то же самое можно сказать о восстановлении в полном объеме правопорядка в стране, гражданском обществе, судебной и правоохранительной системе, борьбе с коррупцией и организованной преступностью, реальных гарантиях приоритета прав человека и нерушимости гражданских свобод.

Внешние ориентиры и изучение чужого опыта, конечно, очень нужны. Но вряд ли полезны здесь всякого рода поукания и толчки извне. Они могут быть

только контрпродуктивными, ибо российских реалий за рубежом, прежде всего на Западе, не знают и не понимают. Нужны своя голова на плечах и чувство меры — только тогда не на словах, а на деле может получиться какой-то толк.

Неясны еще до конца и контуры будущего социально-экономического устройства страны. Скорее всего, учитывая наши традиции, это будет нечто более близкое к европейской, а не к американской модели. Иными словами, это будет, вероятно, система, сочетающая в себе высокую степень государственного прямого участия и государственного направляющего планирования с полнокровным рынком и преобладающей ролью частной инициативы и частной собственности в экономике. Пока этого, однако, не сделано. Тем самым сохраняется пространство для дестабилизирующих тенденций. Насколько можно судить, в последнее время верховная власть уже начала это понимать. Попытки государства смягчить социальные последствия поляризации, ослабить тяготы, инициированные кризисом, усилия, направленные на минимизацию массовой бедности, позволяют надеяться, что эпоха абсолютно аморального, социально безответственного хозяйничания в стране может закончиться.

России еще предстоит выработать рациональную структурную промышленную политику; перейти на более справедливую формулу деления доходов и сверхдоходов от разработки ее недр между всем обществом и частным (прежде всего, олигархическим) капиталом; восстановить глубоко подорванное доверие населения и частных инвесторов к банковской и финансовой системам страны; создать действительно

благоприятные условия для развития малого и среднего предпринимательства — главной движущей силы современного экономического прогресса повсюду в мире; сделать Россию привлекательным местом для вложения капиталов; наконец, отвести угрозы окончательного разрушения, дав новый стимул развитию и укреплению основного богатства страны, от которого зависит будущее страны в современном мире — ее образовательного и научно-технического потенциала.

Россия должна переломить складывающуюся печальную тенденцию к постепенному оскудению ее территорий за Уралом. Одной этой задачи хватит, чтобы поглотить силы и ресурсы страны на многие десятилетия нынешнего века.

Некоторые политологи, особенно на Западе, говорят о якобы усиливающемся стремлении России к изоляционизму. Думается, однако, что подобная постановка вопроса по меньшей мере некорректна. Что значит — «к изоляционизму»? Если речь идет об отказе от любых мессианских поползновений, от стремления играть ведущую роль во всех мировых делах и во всех уголках земного шара, о преимущественном сосредоточении национальной идеологии и националь-

ных ресурсов на внутренних созидательных задачах, о поддержании оборонных гарантий на должном современном уровне в отношении как стратегических, так и обычных вооруженных сил — может быть, это отчасти и изоляционизм, но конструктивный, здоровый изоляционизм, в наибольшей мере отвечающий реальным потребностям страны. В то же время курс, обосновывающий первенствующую роль собственных интересов, собственной пользы, ни в коей мере не является препятствием для самого интенсивного сотрудничества России с внешним миром.

Россия, что очевидно, втягивается в глобализацию. Вместе с тем следует учитывать, что глобализация, представляя собой объективный процесс, вовсе не означает неизбежного безальтернативного нашего подчинения ее нынешней модели, темпам и формам. У каждой независимой страны имеется свой коридор возможностей.

Иными словами, ситуация, складывающаяся в мире, диктует России необходимость проведения взвешенной политики, предусматривающей свои целевые установки и противодействие нежелательным последствиям и т.д.

Н. Шмелев